

*Карлос Ильядес*¹
Carlos Illades

1968 г. в коллективном воображаемом мексиканских левых: политическая трактовка идей Хосе Ревуэльтаса

The 1968 in the Imaginary of the Mexican Left: a Political Reading of José Revueltas

Аннотация: Хосе Ревуэльтас был не только одним из самых видных мексиканских писателей XX в., но крупной фигурой мексиканского марксизма. В молодости он был коммунистом, а, став писателем, предложил свой анализ истории страны с использованием марксистского инструментария, а также изложил свое видение будущей революции. В 200-летнюю годовщину со дня рождения Маркса эта работа предлагает анализ взглядов Хосе Ревуэльтаса на мексиканскую революцию с точки зрения исторического материализма.

Ключевые слова: марксизм, Октябрьская революция, Мексиканская революция, отчуждение, Хосе Ревуэльтас, Мексика

Abstract: José Revueltas was not only one of the most important Mexican writers of the XXth century, he is also one of the most relevant figures of national Marxism. Communist since adolescence, as novelist he analyzed with the Marxist instruments the history of the country, as well as the possibilities of the future revolution. On the occasion of the bicentenary of the birth of Karl Marx, this text deals with the interpretation of the Mexican

¹ *Карлос Ильядес*, профессор Автономного университета Метрополитано-Куахималья Мехико; *Carlos Illades*, Universidad Autónoma Metropolitana-Cuajimalpa, México, Mail: carlosillades@yahoo.com.mx

Revolution made by Revueltas from the perspective of historical materialism.

Key words: Marxism, October Revolution, Mexican Revolution, Alienation, Jose Revueltas, Mexico.

С середины XX в. развитый мир переживал то, что Э.П. Томпсон назвал “великой апатией”: в обществе, добившемся в период после мировой войны невиданного ранее материального прогресса, существовал рабочий класс, достигший высокой степени потребления, и левые социалистические силы, не желавшие радикальной трансформации существовавшего статус-кво. Этот английский историк в работе «Социализм и интеллектуалы» (1957) утверждал, что «сегодня тот путь, по которому идеи превращались в действительную социальную энергию, казалась исчерпанным, с одной стороны, из-за отступления от него самих интеллигентов, а с другой, из-за бюрократической структуры рабочего движения»².

На другом берегу Атлантики Г. Маркузе размышлял о состоянии настроений этой эпохи, о почти органической невозможности в развитом индустриальном обществе разрушить гегемонию капитала, чего уже и не хотели подчиненные классы, создавая своего рода современное «добровольное рабство», о чем говорил Этьен де Ла Бозси в раннем новом времени. Управление в «обществе изобилия» или в «закрытом обществе» рационализировало эту форму обезличенного господства, в котором общественные перемены были не нужны, а автономия личности недостижима, ибо индустриальная культура проникла вплоть до сущности процесса производства в той степени, в которой «мысль и одномерное поведение,... идеи, надежды и цели, выходящие за рамки общего, принятого дискурсом и действием, отвергаются или сводятся к ограниченным параметрам этого общего»³.

В то время как западная интеллигенция предлагала столь сумрачные размышления о настоящем, деколонизация в Третьем мире и революция пришли на периферию миро-экономики. Такие интеллектуалы как Ж.П. Сартр реагировали на антиколониалистские тезисы Ф. Фанона и признавали насилие законным ответом на имперское угнетение, а студенческий лидер Руди Дучке призывал привести револю-

² Thompson, 2016. P. 86.

³ «Сами народы дают себя закабалить, но только лишь перестав нести эти службу, они разорвут эти цепи» – La Boétie, 2008; Marcuse, 2016. P. 50.

цию с периферии в центр системы и «принять необходимость революционного насилия в метрополии»⁴.

Гонка вооружений, война во Вьетнаме и антибюрократические восстания на Востоке вывели западных левых из паралича, заставив искать обновления. Отход от обреризма и подчинения советскому социализму в лице коммунистических партий в сторону представительства слоев, лишенных прав и исключенных из демократической системы, групп, в которых Маркузе увидел потенциал «положить конец институтам и нетерпимым условиям существования», составили одно из главных изменений в русле современной политической перспективы. Прямое действие стало главным методом борьбы. Новые левые, как писал Э. Томпсон, объединили западную социалистическую традицию, диссидентство внутри социалистического блока и новое послевоенное поколение⁵.

В Латинской Америке и в США Кубинская революция стала ключевым событием для формирования новых левых. На общеконтинентальном уровне кубинский процесс вызвал такие же ожидания как в свое время Октябрьская революция во всемирном масштабе. Лидеры будущих «синоптиков»⁶ ехали в Гавану в 1968 г., также в начале 60-х из Мехико туда же ехали дети испанских республиканцев-эмигрантов, объединившихся в Испанское движение 59. Как «Monthly Review» Пола Суизи и Лео Губермана, так и «México en la Cultura» Фернандо Бенитеса посвятили немало страниц кубинской революции. Участвуя в Первом испано-американском литературном конгрессе в Гаване, Карлос Фуэнтес в эйфории заявил: «Посмотрим, что за один год сможет сделать одно честное правительство, которое будет работать без усталости, отчаянно борясь с трудностями». В августе 1962 г. Хосе Ревуэльтос в своей газете писал, что «сегодня надо как никогда быть твердыми в поддержке Кубы». А через три года опыт кубинской революции попытались повторить десяток юношей, штурмовавших военные казармы в Мадере в штате Чиуауа⁷.

⁴ Fanon, 2014. P. 13; Marcuse, 1981. P. 179; Bolívar Echeverría, 2010. P. 215.

⁵ Marcuse, 2016. P. 235;

⁶ The Weathermen – «синоптики», лево-террористическая группа в США 1969-1977 г.

⁷ Pensado Leglise, 2014. P. 24; Rojas, 2016. P. 108; Terán, 2013. P. 191; Volpi, 1998. P. 51; Illades, 2012. P. 33-34; Moirón S. Una respuesta que todo mundo se preguntaba sobre Cuba. Entrevista con Carlos Fuentes // *Novedades*, 5 de abril de 1959; *Revueltas*, T. 7. 2014. P. 420.

В ответ на критику Мексиканской революции со стороны Хесуса Сильвы Эрсога и Даниэля Косио Вильегаса, которые считали, что её цели уже выполнены, и даже «сам термин революция теперь уже не имеет смысла», поколение середины века, Карлос Фуэнтес, Порфирио Муньос Ледо, Хайме Гарсия Торрес, Энрике Гонсалес Педреро, пытались реанимировать дух революции, вводя её в общий ряд с кубинской революцией. Как считал Хосе Ревуэльтас, это было пустое дело, ибо пост-революционный режим в Мексике подавлял рабочий класс, воспрепятствовал его организационной автономии и борьбе за социальное освобождение. Это была не отклонившаяся революция, а революция с иной природой, отличной от исторических целей мексиканского пролетариата⁸.

Ревуэльтас был связующим звеном старой и новой левой в Мексике. Этот писатель на собственном опыте своей относительно короткой жизни (61 год) ощутил все метаморфозы жизни коммуниста, от сталиниста до самоуправленческого коммунизма советов, пройдя этапы близости и к троцкизму, и к маоизму, никогда не покидая приверженности революционному проекту. Ревуэльтас также испытал себя в различных жанрах на писательском поприще: эссе, повесть, рассказ, драма, – а также в увлечениях философией, историей, политикой, культурологией. Здесь мы ограничимся анализом его политических размышлений, выраженных в его очерках «Возможности и ограниченности мексиканца» (1950), и «Мексика: варварская демократия» (1958), в которых писатель разоблачает миф национальной сущности как конструкт философии мексиканизма и рассматривает историческую формулу режима Мексиканской революции. Затем он написал «Очерк о безголовом пролетариате» (1962) и повесть «Ошибки» (1964), в которых подверг самой суровой критике весь путь компартии Мексики, указав на её неспособность стать авангардом рабочего класса, а значит, и стать исторической альтернативой господствующему в стране режиму. Также он разоблачал сталинизм как советский, так и в рядах КПМ. Далее он уже в академической форме проанализировал студенческое движение 1968 г., его политическую организацию, политические дебаты, в которых он увидел зародыш будущей революции.

Разоблачение мифа

⁸ Cosío Villegas, 1997. P. 15; Revueltas, T.19, 1985. P. 58; Revueltas, T. 16. 1983, P. 18.

В 20 годы XX в. Мексиканская революция стала примером, к которому как к источнику легитимации прибегали различные, порой противоположные проекты, как например, те, кто поднимали знамя национализма, демократии, антиклерикализма и социализма. До конца 50-х годов большинство независимых левых ощущала себя частью радикального или социалистического крыла этой революции. Ревуэльтас начал размышлять о характере мексиканской революции в своих опубликованных в «*Excelsior*» 18–19 апреля 1947 г. комментариях об очерке Косио Вильегаса. «Кризис и судьба Мексики». Ревуэльтас принимал мотивы комментируемого историка, но не разделял с ним его аргументов и ещё менее его выводов, которые он называл «поверхностными и почти анекдотическими». Революция, – размышлял писатель, находясь на идеологической орбите В. Ломбардо Толедано, – была логическим результатом исторического развития предшествующей эпохи. Она смогла создать лишь «касту новых богатых и торгашей», действовавших через по своему честных членов партии, происходивших их разных социальных слоев, которые смогли определить путь развития страны.

Через три года Ревуэльтас вновь обратился к теме национального бытия, к которой лишь отчасти коснулся в своем комментарии к Косио, как к проблеме, нерешенной в ходе Войны за независимость. Его работа «Возможности и ограничения мексиканца» направила свою критику на философию мексиканской сущности, которая ставила во главе угла некую внеисторическую сущность, мексиканскую национальность. Писатель предлагал использовать категорию практики для определения отношений, в которых субъект, в данном случае мексиканец, как конкретная форма существования «человека как такового», сталкивается с обстоятельствами, которые и определяют, что «национальное бытие» является «универсальным процессом трансформации, интеграции и дезинтеграции человека, находящегося в конкретном пункте пространства и времени»⁹.

Его работа «Мексика: варварская демократия» представила картину внутреннего состояния режима, возникшего после революции. В прологе ко второму изданию 1975 г. Ревуэльтас приводит запоминающуюся аналогию: «Так как народ считает, что пульке¹⁰ чуть-чуть не

⁹ Benjamin, 2003. P. 41; Semo, 2003. P. 68; Cosío Villegas, 1997. P. 57, 65, 66; Revueltas, 1985. P. 42, 44.

¹⁰ Традиционный алкогольный напиток народных масс в Мексике – ред.

хватает, чтобы стать мясом, мексиканскому государству не хватает также чуть-чуть, чтобы стать фашистским». Он на 15 лет опередил Марио Варгаса Льосу с его не менее популярной характеристикой этого государства как «безупречной диктатуры». Эта его фраза привела в бешенство Октавио Паса. Хотя Ревуэльтас признавал, что революция 1910 г. как и до этого Война за независимость и эпоха Реформы подчинялись диалектике развития, согласно которой ни один из исторических этапов не закончится пока полностью не использует все имманентно ему присущие возможности, но также верно и то, что эволюция государства и его институтов после революции создала своего рода запер, закрывший возможность самостоятельного развития рабочего класса как исторического субъекта социалистической революции. Далее в своей аргументации, которую затем подхватит Роджер Барта в своей «Клетке меланхолии» (1987), Ревуэльтас определил «мексиканскую политику» как «настройку, состоящую из суеверий, мифов, редуccionизма *ad absurdum*, в которой реальность представлена словно отраженная в кривом зеркале, которое и является подлинной реальностью, в которой эта надстройка не более чем фетиш, символ, заменяющие эту реальность, словно переведенная с другого неизвестному никому языка. Как пишет Виттория Борсо, он осуществляет деконструкцию мифа Мексиканской революции, оставляя на её агентов историческую ответственность, и посему «нам не нравится, что «движение 1968 г. и Мексика пост-тлателолько»¹¹ нашли в Ревуэльтасе модель и попытку трансформации мексиканской общественной мысли»¹².

«Безголовый» пролетариат

Ревуэльтас вступил в МОПР (Международная организация помощи борцам революции при Коминтерне) и комсомол, когда ему едва исполнилось 15 лет. В 1943 г. созданная им «Ячейка имени Хосе Карлоса Мариатеги» объявила руководство компартии «сектантским», за что то в свою очередь назвало его позицию «ликвидаторской», предательской в отношении принципов партии, проявлением недисциплинированности. После унижительной «самокритики» Ревуэльтас вернулся в партию в 1956 г., и тут же принялся критиковать руководство

¹¹ В Тлателолько (Площадь Трех Культур) в Мехико произошло кровавое подавление полицией выступления студентов 2 октября 1968 г.

¹² Revueltas, 1983. P. 19, 36–37; Illades, 2018. P. 277; Borsò, 2010. P. 750.

КПМ за отсутствие связей в реальном рабочим движением, за что его окончательно изгнали из партии. В тот момент в партии насчитывалось около 4 тыс. человек, в основном крестьян, рабочих, ремесленников, учителей, служащих и студентов. Организационно компартия не была представлена на трети территории страны¹³.

В нарративе Ревуэльтаса преобладает рассказ о трудностях жизни коммуниста, о предательстве руководства и о пребывании в тюрьме. «Свободные» на острове (*Los muros de agua*, 1941) или осужденные на неподвижность в карцере (*El apando*, 1969), заключенные теряют человеческий облик, а «тюремная демократия» всех уравнивает. Единственное, что смягчает отчаяние политических заключенных, этого меньшинства, повсюду представленных в мире образов Ревуэльтаса, – это свобода и надежда на будущее, когда их революционные идеи будут реализованы, причем не так уж и отдаленное будущее. Однако это не отменяет презрение рядовых революционеров к их ничтожным лидерам, более занятых дворцовыми интригами, чем борьбой за победу и той целью, которые они декларируют (*Los errores*, 1964). Также не было разрешено противоречие между личностью, индивидуальным Я и коллективной волей единомышленников, партией, построенной по принципам демократического централизма (*Los días terrenales*, 1949)¹⁴.

Поражение трудящихся в 50-е годы (движения учителей, горняков, железнодорожников) и ошибочная, по мнению Ревуэльтаса, стратегия КПМ были объектом жесткой критики в «Очерке о безголовом пролетариате», ставшем манифестом «Ленинской лиги Спартак» (*Liga Leninista Espartaco – LLE*), основанной Ревуэльтасом после второго исключения из КПМ. Ревуэльтас был уверен, что партия потерпела поражение в борьбе за роль авангарда пролетариата, за роль «коллективного мозга», за его «организованную сознательность», как «классовая партия», чего никогда не было не только с точки зрения материальности, но из-за простой неспособности партии выполнить свою «историческую миссию», что вылилось в имитацию деятельности по освобождению рабочего класса. Ревуэльтас считал, что социализм смог противостоять капитализму как исторический горизонт, но оказался несостоятельным с точки зрения «непосредственной практики». Эту работу КПМ не смогла осуществить из-за очевидной способности

¹³ Ruiz Abreu, 2014. З. 99; Illades, 2018. P. 87.

¹⁴ Cheron, 2014. P. 34; Escalante, 2014. P. 50.

привнести марксизм-ленинизм в пролетарские массы, отмежевавшись от чуждых идеологий, в частности от концепций революционного национализма правящего в Мексике режима и его партии – (Институционно-революционной партии (ПРИ–PRI) как партии национальной буржуазии¹⁵.

Повесть «Los egresos» Ревуэльтаса объясняет его разрыв со сталинизмом. Ревуэльтас задается вопросом, будет ли XX век вспоминаться человечеством по Октябрьской революции или по Московским процессам? В этой повести события в СССР связываются с авторитарными практиками КПМ. В повести рассказывается о том, как партийный аппарат приносит в жертву честного партийца Эмилио Падилью Вадилью, для образа которого послужил реальный случай с Эвелию Вадилью, реально прошедшего через Гулаг в Казахстане¹⁶. Партийный аппарат действует как ещё один враг несчастных членов партии, которые поверили в коммунизм как в будущее человечества. Ревуэльтас считает, что нельзя сохранять молчание перед лицом совершенных жестокостей во имя «диктатуры пролетариата», наоборот, именно сейчас и надо разоблачать ответственных за извращение идей коммунизма во имя восстановления принципов и достижения целей в будущем¹⁷.

Новая революция

Существует мнение, что были две глобальные революции: 1848 г. и 1968 г. Первая закрепила принцип народного суверенитета и создала старых левых, а вторая вышла за рамки, установленные Октябрьской революцией, и привела на мировую арену новые общественные движения, новых левых. Главными действующими лицами революции 1968 г. были молодые люди, которые, как отмечает Э. Хобсбаум, «отрицали общечеловеческий характер любого поколения, старше тридцати лет, из исключением отдельных своих гуру». Молодежь, нашедшая свое политическое выражение в новых левых, предприняла наступление на иерархию не только на заводах, но и в школах, учреждениях, университетах, господство в которых существовало через освещение «разделения на руководителей и исполнителей», как писал

¹⁵ Revueltas, 1980a. P. 37, 54, 67, 164; Illades, 2018. P. 90.

¹⁶ Подробнее см. Schelchkov A.A. El marxismo militante: la Escuela Internacional Leninista y los cuadros de la Internacional Comunista en América Latina// Revista Izquierdas. Santiago de Chile. 2016. No. 28. P. 226–247. (ред.)

¹⁷ Revueltas, 1980b. P. 235, 252; Illades, 2018. P. 88–89.

Лефорт. 1968 год был последним моментом, когда, как указывал Боливар Эчеверрия, в политическом дискурсе «говорилось то, что следовало говорить»¹⁸.

Мексиканский 1968 г. не избежал всех настроений того момента: молодежь, студенты были разъярены, хотя смогли дать отпор репрессиям военных против студентов Политехнического университета, которые, кстати, имели большие семейные и профессиональные связи с промышленными рабочими. Однако это возмущение, вызвавшее 1968 г., не было простым «движением в защиту прав человека», как то утверждает Карлос Монсиваис. Их требование из 6 основных пунктов, включавших свободу политическим заключенным, смещение со своих постов начальников полиции и антиповстанческих сил, ликвидация аппарата безопасности, отмена уголовных статей за так называемые преступления против общественного строя, возмещение семьям погибших в результате военных репрессий и судебное преследование ответственного за это полицейского начальства вызвали ещё большее насилие со стороны авторитарного государства¹⁹.

Порвав с идеологическими основами Мексиканской революции и официального коммунизма, Ревуэльтас воспринял подходы новых левых, а студенческое движение 1968 г. стало для него лабораторией политического праксиса. С началом этого движения он физически переселился на факультет философии и литературы Национального университета. Революция должна была быть для него не только теорией, но и должна была проживаться на практике. Ревуэльтас быстро стал интеллектуальным гуру студенчества, а когда в сентябре 1968 г. военные заняли университет, студенты сделали все возможное, чтобы обеспечить его безопасность. Два месяца им удавалось скрывать его, но 15 ноября 1968 г. он был арестован в районе Нарварте г. Мехико²⁰.

В тот вечер автор «Земных дней» выступал с лекцией на философском факультете по теме «академическое самоуправление и критический университет». Если проанализировать его тексты на эту тему, мы обнаруживаем интересную концептуальную эволюцию. Не оставляя свою старую тематику отчуждения, которая проходит по всем его работам, и продолжая давать объективную оценку Мексиканской рево-

¹⁸ Arrighi, Hopkins, Wallerstein, 1999. P. 83-84; Hobsbawm, 1995. P. 326; Blackburn, 1980. P. 80; Lefort, 2009. P. 42; Echeverría, 2010. P. 226.

¹⁹ Rodríguez Kuri, 2003. P. 184; Zermeño, 1978. P. 218–219; Monsiváis, 2008. P. 11.

²⁰ Ruiz Abreu, 2014. P. 31.

люции, Ревуэльтас предлагает новый взгляд на партию как «коллективный мозг». Но таковым больше не считается «исторически не существовавшая» компартия, которая только имитировала функцию «организованной сознательности» рабочего класса, а в новом историческом пространстве временно её место занимает университет (студенчество). Это иной университет, в своей нетрадиционной форме, критический университет, который формирует боевое студенчество. Итак, чтобы быть критическим университет должен расширить свое понимание университетской автономии, которая не должна сводиться к самоуправлению, а должна пониматься как обеспечение «свободы и экстерриториальности мысли, не ограниченной никаким содержанием». В результате автономия должна пониматься как «гносеологическая категория», то есть как форма производства мысли, познания, но не как объясняющая, а как трансформирующая действительность²¹.

Критические размышления тех дней и горизонтальная демократия студенческого движения стали для Ревуэльтаса основой для создания зародыша будущего общества, новой практики (автономной, критической и плюралистической), которая будет положена в основу будущего социального устройства. Таким образом, субъектом изменений в ближайшей перспективе не станет рабочее движение, подчиненное авторитарному режиму, а им будет студенчество в рамках неотчужденного университета. Ревуэльтас заключал: «Молодежь – это не юноши и девушки, а те перемены, которые они предлагают». Это был контрапункт с его старым учителем Ломбардо Толедано, который считал, что «молодежь ещё долго должна учиться, готовить себя к приходу социалистического общества». На это Ревуэльтас отвечал предложением, состоящем в том, что академическое самоуправление, вооруженное критическим сознанием, преодолеет ограниченность университета как некоего «хранителя знаний», и освобожденный самоуправленческой практикой сможет обрести революционное содержание «трансформации того, что познает»²².

Ревуэльтас характеризовал движение 1968 г. как «студенческую революцию». По его мнению, начало и причины новой революции в

²¹ Revueltas, 1979. P. 112, 110. Сложность его размышлений вызвало непонимание части присутствующих. – González de Alba, 2016. P. 78.

²² Revueltas, 1979. P. 110, 120; Lombardo Toledano V. *Ha envejecido el marxismo?* // El Día, 22 de noviembre de 1968. О концепции противоречий между сознанием и познанием во взглядах Ревуэльтаса см.: Bosteels, 2016. P. 90–91.

рамках «исторического горизонта в Мексике» состояли в диалектическом преодолении Мексиканской революции, в результате которой буржуазия пришла к власти в 1917 г. Концепция и практика автономии преодолела границы Университетской реформы, превратив университет в общее достояние всех студентов, а критика образовательной системы и институтов образования переросла в формирование «планов политического преобразования общества и его структур». И уже с этого момента движение распространилось на все общество, а на следующем, втором этапе оно превратится в «политическое самоопределение всех секторов народа во главе с рабочим классом, то есть речь шла о новой революции, которая изменит ход истории для Мексики». За некоторыми исключениями троцкисты, маоисты и независимые марксисты, представленные в «руководстве студенческими массами», могли объединиться и приложить свои усилия для создания будущей общей партии рабочего класса, который возглавит второй этап великой Мексиканской революции XX века²³.

Манифестация 27 августа 1968 г. на площади Сокало в столице стала высшей точкой развития студенческого движения, а кровавая расправа 2 октября на Площади Трех культур раздавила его. В период между этими двумя событиями правительство усилило свое давление и репрессии, которые после ночи в Тлателолко вылились в открытые преследования. Полиция запретила демонстрации в столице, ограничив их территорией университетов, ширилась волна арестов. В середине 1970 г. студенческое движение стало восстанавливаться, стало координировать свои действия через комитеты, которые пришли на смену Национального забастовочного комитета (Consejo Nacional de Huelga – CNH), распущенного в декабре 1968 г. В эти новые комитеты вошли лидеры старой и новой левой, уже закаленные в студенческих батаях. Предложение ректора Национального автономного университета (UNAM) об амнистии задержанным политическим заключенным, поддержанное новым президентом республики, вдохнуло новую жизнь в движение²⁴.

В этой обстановке 13 мая 1971 г. под давлением общественности Ревуэльтас был освобожден из тюрьмы, хотя против него сохранилось судебное дело. На свободе он стал агитировать за академическое самоуправление в университетах, из которой также выводил две кон-

²³ Revueltas, 1979. P. 130, 131, 136, 140, 147

²⁴ Rivas Ontiveros, 2007. P. 628, 663.

цепции: «свободного сознания» и «познавательной демократии». Первая предполагала, что сознание является целостным, и было бы ошибочным манихейски противопоставлять «буржуазное сознание» и «пролетарское сознание», считая первое контрреволюционным, а второе – научным, что было характерно для псевдомарксистских начетчиков. Существует, был убежден Ревуэльтас, лишь рациональное сознание, которое всегда критично. Для его полного развития «свободное сознание», являющееся нечто вроде гражданства идей, осуществляется в рамках «познавательной демократии», которая предполагает «конфронтацию тенденций», ситуативный анализ и борьбу идей. Свободный, демократический анализ и критический подход был для Ревуэльтаса главным наследием всемирного студенческого движения 1968 г. В отношении рабочего класса на Западе, в социалистическом блоке стран и в «Третьем мире» пролетарское сознание развивается критическими интеллектуалами, «чья главная цель состоит не в том, чтобы заменить собой рабочий класс, а в том, чтобы влиять на него и вновь обрести руководящую роль»²⁵.

Поражение забастовочного движения в Мексике, анализ которого в свое время привел к окончательному исключению Ревуэльтаса из КПМ, вновь было им проанализировано с иной перспективы и с учетом опыта 1968 г. Оба движения (железнодорожников и студентов в 1968 г.) были частью исторического континуума поражения рабочего класса, которое преодолевается через победу студенческого движения в исторической перспективе, разрушая закрытый и темный мир государственного корпоративизма. Пролетариат воспринял язык и смыслы молодежного движения, делая значительный шаг к направлению будущего, а не прошлого борьбы. Правительственные репрессии против железнодорожников повлияли на сокращение прав всего общества, которое увидело в студенческом движении возможность их отвоевания у режима. Ревуэльтас отмечал, что «это не было простой случайностью, а лишь указывало на историческое содержание того направления, в котором исторически следует двигаться»²⁶.

Возможно, сближение Ревуэльтаса с троцкистами в 1968 г. определило в 1971 г. создание им «платформы», подобной исторической «Переходной программе» Троцкого, «Движения новой независимой левой», в которой связал студенческое движение с трудящимися клас-

²⁵ Revueltas, 1979. P. 154, 156.

²⁶ Ibid., P. 153.

сами. Переходная платформа состояла из четырех пунктов: 1) университетская реформа; 2) политическая и профсоюзная независимость рабочего класса; 3) аграрная демократия; 4) открытие политической электоральной системы для всех партий. Как это очевидно, все эти требования носили абсолютный демократический характер. Осудив в своё время коммунистический демократический централизм, Ревуэльтас предложил, чтобы «Движение новой независимой левой» действовало пирамидально, снизу вверх, через местные ассамблеи (в школьных центрах), всеобщие ассамблеи (в университетских центрах), региональные ассамблеи (по штатам), и наконец, через «национальную ассамблею масс»²⁷.

Ревуэльтас этим документом завершил свой коммунистический цикл жизни, начатый под воздействием Октябрьской революции и завершившийся характеристикой советского государства как «нуклеарного государства», подобного США, то есть как создателя новых форм отчуждения человека и усиления государства вместо его исчезновения, как то обещали классики марксизма. Государства, которые превратили людей в объекты, в сырье для своей машины, приносят в жертву развитие в пользу производительности и эффективности, дающие доход и власть. Отрицание всех этих принципов предлагает критический университет. И более, эти государства жертвуют свободой человека, предают «блага человека и чистоту его помыслов»²⁸.

Интеллигенция и 1968 год

Журналисты, публицисты большой прессы обратили внимание на требования студентов, хотя сами в своем большинстве встали на сторону режима. Ломбардо Толедано признал встать «на пути врагов Мексики», а Косио Вильегас заявлял, что готов понять действия Диаса Ордаса, но пережил боль от открывшейся ему правды. Являвшийся тогда послом в Индии Октавио Пас ушел в отставку в знак протеста после расстрела в Тлателолко. Его подтолкнул к этому запрос мексиканского МИДа с вопросом, что индийское правительства предприняло бы в такой же ситуации. В ответ он написал своё «Posdata» (1969). В отличие от Косио и Ломбардо, Октавио Пас попытался разобраться с смысле происходившего и понять их значение в их целостности,

²⁷ Ibid., P. 163–164.

²⁸ Ibid., P. 168.

притом что эти события были радикальной попыткой государства развязать нелегитимное насилие²⁹.

Основатель самого важного и престижного издательства испано-американского мира «Фонда экономической культуры», публицист газеты «Эксельсиор» Косио занимал выжидательную позицию, но когда начались жесткие репрессии осудил их. Он писал: «Мои комментарии занятия армией университетского городка не могли быть более осуждающими». А полностью отдавшийся режиму основатель Конфедерации трудящихся Мексики Ломбардо Толедано отверг все аргументы интеллектуалов новых левых, особенно Маркузе и Сартра, которых назвал «антимарксистами», результатом «нелепой смеси троцкизма, фрейдизма и экзистенциализма, которые строили свои идейные построения на эмоциональном восприятии капитализма, а не на критике его структур», что привело к смешению природы техники с её использованием, чем характеризовался современный капитализм. А главное, их всех объединяло, по мнению Ломбардо, «ненависть к Советскому Союзу»³⁰.

Не совпадая с перспективой и взглядом на будущее, суть интерпретации событий 1968 г. у О. Паса и Ревуэльтаса схожи. Диагноз, представленный в «Posdata», о положении в стране был корректен. Социальная мобильность, в основе которой лежали высокие экономические показатели, снижала демографическое давление и появление возможных очагов социального напряжения и недовольства. Армия оказалась подчиненной гражданской власти как посредством инструментов кооптации, так и через «серые» схемы участия в бизнесе. Этот пример военных был вполне показателен. Он добавлялся к черному списку наследия Мексиканской революции, в котором первые места занимали кричащее социальное неравенство, разбалансированность отношений города и деревни, монополизм и отсутствие демократии в самом широком смысле слова, что превратило революционный режим в диктаторской в рамках закона. Альтернатива, предложенная студенческим движением, состояла в выборе между демократией и милита-

²⁹ Lombardo Toledano V. Ha envejecido el marxismo? // El Día, 22 de noviembre de 1968; Cosío Villegas, 1986. P. 261; Sheridan, 2004. 3. 486; Sorensen, 2007. P. 56.

³⁰ Цит по: Volpi, 1998. P. 257; Cosío Villegas, 1986. P. 263; Lombardo Toledano V. La juventud en el mundo y en México // El Día. 21 en de noviembre de 1968; Lombardo Toledano V. Ha envejecido el marxismo? // El Día, 22 de noviembre de 1968.

ризмом, при том что революционный выход в Мексике и в рамках марксистского горизонта будущего представлялся без сомнений как деспотический. Октавио Пас, повторяя, что мы только наши маски, искал в мексиканской истории цикличность и неизбежность, а события трактовались через интерпретацию исторического мифа. А сквозь призму мифа демократия становилась практически недостижимой под тяжестью усеченной пирамиды, которая и составляет основу мексиканской сущности. Физическое пространство, структура коллективного воображаемого и применение метафоры во имя её понимания вызывало то, что всякая жертва была ритуальной, то есть реки крови проливались для удовлетворения жажды богов. С этой перспективы Тлателолко было не более чем одним из эпизодов бесконечной и фатальной саги внутренних войн. О. Пас писал: «В эту ночь история стала осязаемой и видимой в духе доиспанского кодекса, нашей древней истории, которую уже и забыли. Это было видение, которое потрясло, так как символы вновь стали прозрачными»³¹.

Ревуэльтас не был готов строить новые национальные мифы или рассуждать о сущности философии мексиканизма, а заявлял о желании разрушить уже существовавшие. Также он не считал, что мексиканская история циклична, наоборот верил в поступательный ход исторического прогресса, хотя и признавал возможные отступления, как в случае с трансформацией Советского Союза в нуклеарное государство. Он утверждал, что у истории есть свои структуры, которые определяют границы возможного, но при этом сохраняется свобода действия акторов истории, которая может быть решающей для хода истории. Это делало необходимым покончить с «идеологическими фикциями» и добиться «подлинной свободы», под чем понималась автономия, способность общества к самоуправлению. В этом состоит последняя сущность демократии, а именно переход власти от государства обществу. Он отвергал насилие против противника, как то осуществили военные против студентов в 1968 г., но и без него через рабочее самоуправление, установленное на государственных и частных предприятиях, при сохранении политической конкуренции позволит «революционным классам добиться контроля над историческим процессом». Он стал большим грамшианцем, чем ленинистом. В своих поздних работах Ревуэльтас не видел иного пути, кроме демократии,

³¹ Aguilar Mora, 1978. P. 53; Borsò, 2010. P. 742-743; Illades, 2012. P. 43-44; Sorensen, 2007. P. 64-65; Paz, 1999. P. 292.

ибо иначе мы придём к недемократическому социализму, что закончится предательством самого социализма³². Только это должно было стать целью новой революции.

БИБЛИОГРАФИЯ
REFERENCES

- Aguilar Mora J.* La divina pareja. Historia y mito en Octavio Paz. México: Era, 1978.
- América Latina. Política, psicoanálisis y religión en tiempos del terror. Madrid: Akal, 2016.
- Arrighi G., Hopkins T.K., Wallerstein I.* Movimientos antisistémicos. Madrid: Akal, 1999.
- Benjamin T.* La Revolución mexicana. Memoria, mito e historia. México: Taurus, 2003.
- Blackburn R.* Los estudiantes: ¿El fin de la nueva izquierda?, // La rebelión estudiantil y la sociedad contemporánea. México: UNAM, 1980.
- Borsò V.* Independencia y Revolución: De las utopías a las paradojas. Transformaciones culturales en el pensamiento mexicano // Independencia y Revolución: Pasado, presente y futuro / Gustavo Leyva coord. México: FCE, 2010.
- Cheron P.* El árbol de oro. José Revueltas y el pesimismo ardiente. México: FCE, 2014.
- Cosío Villegas D.* La crisis de México. México: Clío, 1997.
- Cosío Villegas D.* Memorias. México: FCE, 1986.
- Echeverría B.* Modernidad y blanquitud. México: Era, 2010.
- Escalante E., Revueltas J.* Una literatura del “lado moridor”. México, FCE 2014.
- Fanon F.* Los condenados de la tierra. México: FCE, 2014.
- González de Alba L.* Los cocolazos (sic) // Nexos. octubre de 2016.
- Hobsbawm E.J.* Historia del siglo XX. Barcelona: Crítica, 1995.
- Illades C.* El futuro es nuestro. Historia de la izquierda en México. México: Océano, 2018.
- Illades C.* El marxismo en México. Una historia intelectual. México: Taurus, 2018.
- Illades C.* La inteligencia rebelde. La izquierda en el debate público en México 1968-1989. México: Océano, 2012.
- La Boétie E.* El discurso de la servidumbre voluntaria. La Plata: Terramar, 2008.

³² Revueltas, 1979. P. 172, 162.

- Lefort C.* El nuevo desorden // Mayo del 68: La brecha. Buenos Aires: Nueva Visión, 2009.
- Marcuse H.* El final de la utopía. Barcelona: Ariel, 1981.
- Marcuse H.* El hombre unidimensional. Barcelona: Ariel, 2016.
- Monsiváis C.* El 68. La tradición de la resistencia. México: Era, 2008.
- Paz O.* El laberinto de la soledad/Posdata/Vuelta a El laberinto de la soledad. México: FCE, 1999.
- Pensado Leglise P., Sánchez Rebolledo A.* Un militante socialista. México: Instituto Mora, 2014.
- Revueltas J.* México 68: Juventud y revolución. // Obras completas 15. México: Era, 1979.
- Revueltas J.* Ensayo sobre un proletariado sin cabeza // Obras completas T. 17. México: Era, 1980a.
- Revueltas J.* Los errores. // Obras completas T.6. México: Era, 1980b.
- Revueltas J.* México: Una democracia bárbara // Obras completas. T. 16. México: Era, 1983.
- Revueltas J.* Ensayos sobre México. // Obras completas. T. 19. México: Era, 1985.
- Revueltas J.* Las evocaciones requeridas. Obra reunida 7. México: Era, 2014.
- Rivas Ontiveros J.R.* La izquierda estudiantil en la UNAM. Organizaciones, movilizaciones y liderazgos (1958-1972). México: UNAM, 2007.
- Rodríguez Kuri A.* Los primeros días. Una explicación de los orígenes inmediatos del movimiento estudiantil de 1968 // Historia Mexicana. vol. LIII (1), 2003.
- Rojas R.* Traductores de la utopía. La Revolución cubana y la nueva izquierda de Nueva York. México: FCE, 2016.
- Ruiz Abreu Á., Revueltas J.* Los muros de la utopía. México: Cal y Arena, 2014.
- Schelchkov A.A.* El marxismo militante: la Escuela Internacional Leninista y los cuadros de la Internacional Comunista en América Latina // Revista Izquierdas. Santiago de Chile. 2016. No. 28. P. 226-247.
- Semo E.* La búsqueda. 1. La izquierda mexicana en los albores del siglo XXI. México: Océano, 2003.
- Sheridan G.* Poeta con paisaje. Ensayos sobre la vida de Octavio Paz. México, Era: 2004.
- Sorensen D.* A Turbulent Decade Remembered. Scenens from the Latin American Sixties. Stanford CA: Stanford University Press, 2007.
- Terán O.* Nuestros años sesentas. La formación de la nueva izquierda intelectual argentina. Buenos Aires: Siglo XXI, 2013.

Thompson E.P. Democracia y socialismo, edición crítica de Alejandro Estrella. México: UAM/CLACSO, 2016.

Volpi J. La imaginación y el poder. Una historia intelectual de 1968. México: Era, 1998.

Zermeño S. México: Una democracia utópica. El movimiento estudiantil de 1968. México: Siglo XXI, 1978.